

И ма́терски съ пла́чъ ги ѿбѣмаше,

Целѣваше, и жа́лноу дѣмаше:

„Оу́вы ча́до, и сы́не сладча́йшій!

„Ѹ надѣ́ждо! що̀ та́кѡ стори́лси;

„Душа́ твоѡ́ какова́ ѣ́ бѣла,

„Да ѣ́ то́лко страда́нїе терпѣ́ла;

„Ка́къ си мо́галъ всѣ́кій дѣнь да слы́шашъ

„Пла́чъ за тебѣ́, и съ кро́тость да глѣ́дашъ

„Да пла́чеме, и не́си пожа́лилъ

„Нѣ́съ ѡ́ ча́до, ни́то ны оу́тѣ́шилъ;

„Ѹ чѣ́днагѡ терпѣ́нїѡ́ ча́до,

„Любе́знаѡ́ оу́вы мнѣ́ ѡ́ра́до!

„Ка́къ то́лко го́дины терпѣ́лси,

„И ѡ́ ра́кѡвъ доса́ды сно́силси!

„Защо̀ ча́до ты не́си ѡ́вилъ ми,

„Да и́ мой преста́натъ болѣ́зны.“

И по неѡ́ до́йде и невѣ́ста,

Ѹдѡ́ ми́на ѡ́ то́лко мно́жества.

Кога́ почна́ и Ѹна́ да пла́че,

И болѣ́знь се́рдца да и́зри́че,

Запла́каха́ всѣ́кїи чело́вѣ́цы,

Кога́ рече́: „Оу́вы съпрѣ́жницы!

„Коѡ́ го́динъ трѣ́сть и́ четы́ри

„Дре́хи но́симъ плачѣ́вны и́ че́рны,

„Ѹ го́рлице́ пѣстынолю́бнаѡ́,

„Илѣ́зїе́ сла́во любе́знаѡ́!